

Алёна Астахова

Маски Отражений
По ту сторону зеркал

18+

Алёна Астахова

**Маски отражений.
По ту сторону зеркал**

«Автор»

2026

Астахова А.

Маски отражений. По ту сторону зеркал / А. Астахова —
«Автор», 2026

Зеркала – это двери. И однажды одна из них для меня приоткрылась. В руке – древний артефакт, пульсирующий силой. В отражении – она: вампирская красавица из будущего, чей взгляд пронзает насквозь, будто знает меня целую вечность. Приказ Первородного звучит как приговор: найди и доставь ко мне. Но как выполнить его, если душа уже шепчет: «Она моя»? Кто она – ключ к древней тайне или всего лишь пешка в дворцовых интригах? Почему её образ будит во мне забытые тени прошлого? В мире, где правят вампиры, любовь – опаснее любого проклятия. Но с момента нашей первой встречи я уже не уверен, что готов ей сопротивляться.

© Астахова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плей-лист	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Маски отражений. По ту сторону зеркал

Плей-лист

*Видимо, земля воистину кругла, раз
ты приходишь туда, где нету ничего, помимо воспоминаний.*
Иосиф Бродский

I Want It - Two Feet
If it doesnt hurt - Nothing more
I Don't Mind - Fnkhouser
Yellow Box - The Neighbourhood
Show Me - BURY, Beneld
Voices In My Head - Falling In Reverse
Burning - Santino Le Saint
X - Welshly Arms
Hollow - KamNox
And the Snakes Start to Sing - Bring Me The Horizon
I Was Yours - Deadluve
Ash in Your Eyes - drunken night
my time - Zubi, anatu, rxpaul
Into My Mother's Arms - KALEO
Let the world burn - Chris Grey
Frozen - Within Temptation
God Fearing Man - Imminence
Evanescence - My immortal
Heavy - Deadluve

ГЛАВА 1

АУРА

Вчерашняя вечеринка была зачетной. Я неплохо так набралась – теперь даже голова побаливает, но тело приятно ноет после ночи диких танцев на барной стойке. Мой бар – что хочу, то и делаю. Да и завсегдатаи каждый вечер с нетерпением ждут моих плясок.

Этому бару уже сотня лет. Я построила и раскрутила его сама еще во времена сухого закона: на тот момент видимая его часть была отдана под кинотеатр, а в подпольной виски текло рекой. Я даже никого не убивала, чтобы получить признание: из принципа хотела добиться почестей как обычная женщина, ущемленная испокон веков.

Теперь мое заведение – лучшее в городе, самое оригинальное и востребованное, где устраивают зрелищные шоу и делают лучшие коктейли с щепоткой магии, попробовать которые стремится самая разношерстная публика – от подонков до элиты.

Я вне конкуренции. Вот уже сто долгих лет.

Дружба с колдуном позволяет мне поить всех посетителей заговоренными напитками, а после них людям даже не придет в голову поразмыслить о том, что хозяйка бара не стареет вот уже десятки лет.

Удобно, безопасно, вольно.

Будучи вампиром, я могла бы быть буквально кем угодно, но я предпочитаю веселиться, крутиться в обществе, обрести нужными связями, проявлять себя, наблюдать за этим миром и людьми, ведь с наступлением ночи все маски слетают, являя истинные чувства, мысли и желания. Обожаю!

Быстро залив в себя крепкий кофе и оставив завтрак на потом, иду в душ, чтобы прогнать остатки сна и смыть вчерашний макияж.

Тугие струи кипятка дарят ноющим мышцам расслабление и распаривают нежную кожу.

После тщательного ухода за собой, промокнув длинные, светлые волосы полотенцем, я натягиваю кружевные трусики. Одежду я благополучно забыла, поэтому в спальне шарю по ящикам в поисках комфортной для похмельного утра футболки.

Внезапно меня отвлекает постороннее движение в комнате, и, резко подняв взгляд, я вижу позади себя незнакомца – молодого, сногшибательного, хрен пойми откуда взявшегося мужчину.

– Черт возьми, чувак! – ошарашенно прикрываю голую грудь руками. – Тебе жить надоело?

– Прошу простить мне мое вторжение. Будь у меня возможность, я бы непременно поступал, – он на секунду задерживает пристальный взгляд на моем теле, после чего почтительно отводит его в сторону.

Набросив длинную футболку с изображением любимой рок-группы, я разворачиваюсь к незваному гостю, уперев руки в талию. Мои мокрые после душа волосы лежат на груди, увлажняя ткань и очерчивая напряженные соски. Хвала небесам, она черная.

– И? – поднимаю брови, ожидая объяснений. – Как ты здесь оказался? А главное, зачем?

– Прошел сквозь отражение в зеркале, – будничным тоном поясняет он, видимо, решив выставить меня идиоткой. Я сразу признала в нем вампира, и нет, не подумайте, не струсил, только решила не убивать его сразу. А еще – у него красивое лицо, на котором я бы с удовольствием посидела.

– Зачетная шутка, красавчик, но малость неуместная, – замечаю я, ничем не выдавая собственные мысли.

– Я наблюдал за тобой некоторое время.

Гребаный сталкер.

– Не могу похвалить тебя за это.

Он понимающе кивает.

– Я из другой эпохи. И я пришел за тобой, – с предельно серьезной миной поясняет он.

– Из другой эпохи, – с сомнением повторяю я. – И пришел за мной...

Улыбка так и норовит пробить мой покерфейс, но я все еще держусь, побаиваясь незнакомца и его возможных реакций.

– Кто учил тебя подкатывать к девушкам? Эдвард Каллен на минималках?

Мужчина морщит лоб, будто это имя для него и вправду пустой звук.

– Мне бы не помешали уроки местного диалекта, – размышляет он, нахмурившись, а я прыскаю со смеху:

– Это не диалект, это сленг. Так все сейчас общаются.

– Что тебя смутило в моем намерении? – хмуро спрашивает он.

– Ну, оно несколько скоропалительно, не находишь? – решаю тоже поддаться правилам его игры. – Нынче мужчины предпочитают свободные отношения.

– Свободные, – пробует на вкус это слово, – отношения. – Поясни, будь добра, что это значит и каким образом к тебе относится?

Я напрягаюсь. Нет, его мужественность и категоричность мнений неоспоримы, но меня начинают пугать мысли, допускающие, что его слова правдивы. И еще он странно одет. В современном мире такое носят разве что актеры на сцене.

– Ладно, завтракать будешь? – цокаю я. – Я не могу воспринимать весь этот сюр на голодный желудок.

Под удивленным взглядом незнакомца прохожу на кухню и предлагаю ему присесть за барную стойку.

– По части готовки я не очень, поэтому сделаю что попроще, окей? – оборачиваюсь к нему.

Мужчина мнется в замешательстве, но буквально через пару секунд направляется ко мне.

– Раз у тебя нет слуг, помогу с приготовлением, – мрачно замечает он.

– Слуг? – откровенно усмехаюсь я, – где ты предлагаешь мне их разместить?

– Это было бестактно. Приношу свои извинения, я все еще с трудом осознаю себя в этом времени, – продолжает хмуро сканировать меня взглядом.

– Как тебя хоть зовут, красавчик?

– Джеймс Бомон, миледи, – он почтительно склоняет голову, заставляя меня прикусить губу в попытке сдержать милое хихиканье.

Тож же мне «миледи»: днем на байке, вечером – на барной стойке!

Взяв мою руку своими цепкими пальцами, Джеймс осторожно касается губами тыльной стороны моей ладони. И этим совсем не помогает: по телу прокатывается приятная теплая волна, усыпая кожу колючими мурашками.

Ого. Неожиданно. А ведь я не из тех женщин, кто млеет от одного взгляда или прикосновения.

Но есть в Джеймсе что-то особенное. Притягательное. И только мне понятное.

Он гипнотизирует совершенно особенными глазами медово-желтого цвета. Хотя, когда солнечный свет не бликует на радужке, они кажутся янтарными, немного зеленоватыми, как пожухлая листва в середине октября.

Треш. Откуда только в голове возникает весь этот метафорический бред?

– У меня пригорит еда и без твоего убийственно сексуального взгляда, – бурчу я, вынимая руку из его ладони.

Сгореть рискует не только еда – я сама буквально пламенею от его всепоглощающего внимания.

Кажется, впервые за время своего присутствия Джеймс улыбается. Нет, он растягивает губы в безбожно порочной ухмылке, прекрасно понимая, должно быть, какой эффект может оказывать на женщин.

И вот эта вот галантность... Никогда бы не подумала, что словлю кайф от столь манерного чувака.

– Польщен твоим комментарием, – он съедает улыбку, но в глазах пляшут черти.

– Да неужели? – закатив глаза к небу, я принимаюсь за готовку. – Кофе нальешь?

– Да, – быстро соглашается Джеймс, – только не могла бы ты показать, где он?

Весело хмыкнув, киваю в сторону кофеварки и, налив первую чашку ему, предлагаю поухаживать за мной.

– Как твое полное имя?

Я оборачиваюсь, смешивая ингредиенты для теста.

– Все вокруг зовут тебя Аура.

– Все вокруг? – театрально оглядываюсь. – Ты видишь здесь кого-то еще? – заговорщи-чески шепчу я.

– Кроме шуток, – он и правда совершенно серьезен. – Я ведь говорил, что наблюдал за тобой. Сквозь зеркала, – добавляет он.

– А мы так и будем играть в пришельцев из прошлого, да? – сунув палец в тесто для блинчиков и облизнув его, чтобы проверить на сладость, я отправляю нежную массу на сковороду.

Мысленно признаю, что способ знакомства меня впечатлил – еще никто не смел вламываться в мою квартиру, но бред про зеркала – откровенно лишнее.

– Предпочитаю не произносить то, чего не смог бы подтвердить действием, – спокойно осаживает меня Джеймс.

Да что ж такое-то?

– Аурелия, – решаю уступить, по крайней мере пока мой организм не насытится необходимыми углеводами. – Мое имя Аурелия.

– Как можно добровольно сокращать такое редкое и красивое имя? – искренне ужасается Джеймс.

– Аура – тоже ничего, – пожимаю плечами я.

– Варварство... – вздыхает Джеймс. – У тебя очень уютно, – оглядывается, останавливает взгляд на огромном стеллаже во всю стену в гостиной, заполненном книгами и виниловыми пластинками лучших музыкантов. – Не имею понятия, что это, но взгляд притягивает, – комплиментарно замечает он. – Сочетается. Все это между собой.

– А ты не лишен чувства прекрасного, как я посмотрю, – кокетливым тоном бросаю я.

– В мыслях я эстет, в поступках – дикарь, – Джеймс, наверняка, подсмотрев, как это прежде делала я, на удивление быстро справляется с кофемашиной и ставит на барную стойку мою чашку. – У тебя с большой вероятностью будет возможность убедиться в этом, – прикусив нижнюю губу, он отводит взгляд и, улыбнувшись, качает головой. – Прошу прощения, если прозвучало двусмысленно. Тот факт, что ты невероятно привлекательна, не дает мне права на откровенные намеки.

Озадаченная тем, что для кого-то грязный намек – это повод извиниться, смотрю на него, дожаривая последний блинчик. Удивительно, что ни один не подгорел сегодня.

На прошлых выходных один парень, едва завидев меня на барной стойке, откровенно орал во всю глотку, как у него шашка дымится.

Хмыкнув своим мыслям, ставлю на стол тарелку с блинчиками, сироп и плошки с абрикосовым джемом.

– Прости, а приборы? – поднимаю взгляд от своего блинчика на Джеймса, который сейчас прямо-таки комично несчастен.

Кажется, без них он и вправду не поест.

– Минуту.

Роюсь в ящике, извлекая оттуда салфетку, нож и вилку.

Я не совсем потеряна, этикет мне не чужд, но это же, мать их, блинчики – предпочитаю напичкать их джемом, свернуть в трубочку и наслаждаться.

Джеймс расправляет салфетку на коленях изящным жестом. Вооружившись ножом и вилкой, он аккуратно подцепляет кончиком лезвия джем, размазывает по несчастному блинчику. Свернув его вчетверо, отрезает небольшой кусочек и начинает трапезу.

Я же, словно замороженная, наблюдаю за этим неоднозначным расчленением еды, ощущая себя в первом ряду кинотеатра. Кусаю свой блинчик и, округлив глаза от картины, раз-вернувшейся напротив, слизываю с пальцев джем, довольно причмокивая.

Джеймс отрывает взгляд от тарелки, бросая в меня медовые искры. Останавливаясь на моих губах, он тяжело сглатывает. Краешком салфетки он нежным движением стирает с моих губ остатки джема и невольно проходится языком по своим.

Джеймс так свободно, искренне прикасается ко мне, словно проделывал это всю жизнь, что уже вошло у него в привычку, и я не отстраняюсь.

Он облизывается, и мышцы внизу живота сводит от этого простого необдуманного движения.

– Не увидел у тебя салфетки, – хриплым голосом объясняется Джеймс.

– Она внизу, – в тон ему отвечаю я. Там тоже не помешает промокнуть лишнюю влагу.

Доедаем мы в полной тишине. Я решила помолчать от греха подальше. Не очень хочется выдать незнакомцу все свои шаловливые мысли и прослыть грязной ш... легкомысленной.

Прослыть легкомысленной.

Джеймс аккуратно складывает использованные приборы на чистую тарелку и, вероятно, ждет, что из воздуха сейчас же материализуется прислуга, о которой он упоминал перед завтраком.

Закатив глаза, я подхватываю тарелки и, открыв посудомойку, загружаю все туда.

Джеймс вырастает рядом, пристально изучая мою технику. Он не выглядит шокированным, только озадаченным.

– Чем же занимается прислуга, если сейчас за них выполняются даже простейшие задачи?

– Дело не в служении, а в распределении времени, – захлопнув дверцу, я направляюсь в спальню, по пути стягивая с себя футболку.

Спиной чувствую осязаемый жгущий взгляд и мысленно прикидываю, как поступить, если Джеймс ответит на мою провокацию.

Он удивляет: бросив короткое «Я подожду тебя в гостиной», тихо притворяет за мной дверь в спальню.

Добровольный жест уважения? Ко мне или ко всем женщинам в целом?

Встав перед гардеробом, готовлюсь к мукам выбора: выходные продолжаются, а значит, время дерзких нарядов. Останавливаю взгляд на топе, напоминающем кольчугу с вкраплением страза, набрасываю его на голое тело, а сверху надеваю черный пиджак. Он хорошо прикрывает бедра, и я, дополнив образ капроновыми колготками в тон и грубыми ботинками «Гриндерс», принимаюсь за макияж.

Потратив на сборы жалкие десять минут, появляюсь в гостиной, где наматывает круги Джеймс.

– Ты бы присел, – замечаю я, – или норма шагов на день еще не выполнена?

Моя шутка остается висеть в воздухе прямо между нами, а Джеймс окидывает меня совершенно голодным взглядом. Прожигает. Оценивает. Желает.

– К такому невозможно привыкнуть, – качает головой он, словно пытаюсь вытравить из мыслей мой образ.

– Не нравится – не смотри, – пожимаю плечами.

– Нравится. Куда в вашем мире можно выйти в таком наряде?

– В *нашем* мире, – моя интонация словно увещевает психбольного, – в таком виде можно выйти в бар. Я иду на работу, а потом веселиться.

– Ты про суд или питейное заведение?

Я взглянула на него с немым вопросом, не сразу сообразив, что в его времени слово «бар» могло иметь иное, уже непривычное значение.

– Второй вариант, – киваю ему на дверь. – Не хочешь заглянуть?

– Только в качестве твоего спутника, – ультимативно заявляет Джеймс, определенно вкладывая в это слово чисто мужское собственническое намерение. – Согласна?

– Без проблем, – я легко принимаю его условие. – Ты – вполне сносная компания.

ГЛАВА 2

ДЖЕЙМС

Мы не спеша прогуливаемся по вечернему городу. Аурелия решила показать мне, как веселиться в современном мире, и посвятить во все тонкости ночной жизни. Мне плевать на веселье, ведь найду его везде, если пожелаю, но я бы пошел куда угодно, стоит ей лишь меня попросить.

Мое слепое повиновение все еще приводит в замешательство, но оно словно идет изнутри: я не могу оторваться от Аурелии – изумительного, порочного и дерзкого создания, но с оттенками печали в глубоких глазах. Мне нет нужды переливать из пустого в порожнее, рассуждая о происхождении подобных чувств – я принял их с благодарностью и всей присущей мне жадностью, а стало быть, теперь не хочу упускать ни секунды.

Не представляю только, как открыться Даниэлю – он уж точно не упустит возможности свести со мной счеты из-за моих особых отношений с его ведьмочкой. Я почти жалею, что так задирали Лили поначалу...

Как только мы выбрались из дома, Аура повела меня в большой магазин, напомнивший первые универмаги, что появились в Париже относительно недавно. Но это если говорить о прошлом – для меня настоящим. Сейчас же они именуются торговыми центрами, как она меня любезно посвятила.

Я не стал мешать, позволив ей самой выбрать одежду для меня и расплатиться, ведь сам поступил бы так в мое время. Так я оказался в черной рубашке, кожаной куртке, джинсах и ботинках на шнуровке.

Теперь я знаю, по меньшей мере, пару новых наименований предметов мужского гардероба и выгляжу не менее презентабельно, чем обычно. У Ауры оказался очень хороший вкус.

– Чего не успел изучить, – замечаю я между прочим, – так это географического местоположения. Где мы сейчас находимся?

По обе стороны от нас возвышаются огромные стеклянные здания – прямо до небес. Гигантские окна повсюду отражают алый зимний закат, а ветер сносит с ног в лучших традициях родной Англии.

– Видишь проблески вдаль? – Аура указывает направление. – Это озеро Мичиган.

– И тем не менее... – ожидаю продолжения.

– Так, гость из прошлого, – забавно фырчит она, – мы в Америке. Северной Америке. Штат Иллинойс...

– Когда в последний раз пересекал океан, здесь еще владычествовали коренные жители, – задумываюсь о том, как быстро завершились этапы колонизации и смешения наций. – А ты сама? Здесь родилась?

– Я... не знаю, откровенно говоря, – растерянно отвечает Аура. В ее глазах проносятся вековые воспоминания, сподвигнув меня на следующий вопрос:

– Как давно ты стала вампиром?

– Покажется бредом, но я отчетливо помню себя лишь в этой ипостаси, – обозначает Аура. – Воспоминания о прошлой жизни мне абсолютно недоступны. Но «живу» я уже пять веков.

– Занятно, – внезапно я интуитивно напрягаюсь.

Неожиданно точная параллель.

Она лишь пожимает плечами, предположительно отгоняя воспоминания о прошлом. Аура поворачивается ко мне лицом и продолжает на ходу:

– Помню, поначалу я отчаянно стремилась узнать хоть какие-то детали о своей человеческой жизни, ведь она у меня точно была, как и у прочих, – рассуждает она.

– Но?

– Каждая зацепка неизбежно обрывалась, да и было их совсем немного, – за показным равнодушием я все же замечаю толику грусти.

Совершенно ненормально быть лишенным воспоминаний о важном отрезке жизненного пути. Говорю с уверенностью, потому как сполна ощущаю это на себе.

Но Аура, кажется, больше не намерена грустить и ностальгировать.

– Мы на месте.

Прямо за ее спиной замечаю яркую вывеску с простым названием «Night».

Буквы ярко горят красным цветом над массивной дверью из темного дерева. Камень видится коричневым, но уверен, что при ярком дневном свете кирпичная кладка окажется рыжей, добавив уюта в этот тихий закоулок.

Здание спрятано от любопытных глаз обывателя, но найти его достаточно легко, если делать это целенаправленно.

– Здесь приятная атмосфера, – пропустив вперед Ауру, я останавливаюсь в дверях, вдыхая пряные ароматы с кухни, пары алкоголя и дым сигарет. Хозяйка здесь ощущается буквально. В каждой детали.

– Хочешь стать моим другом – похвали мой бар, – она кокетливо дергает плечиками.

– Я сделаю все, что угодно для этого, – пленительным шепотом ласкаю ее ушко.

Меня так и тянет огладить и сжать каждую часть великолепного тела, присвоить, искушать, прочувствовать. Мне еще не приходилось страдать так сильно от нехватки банальных прикосновений.

– Рискованные обещания...

– Кто жизнью не рискует, тот никогда ее не обретет¹, – произношу не задумываясь.

– В наше время парни не цитируют великих драматургов, – широко улыбается Аура, и на ее лицо падают золотые отсветы. – Ты точно гость из прошлого.

– У тебя всегда было стремление заниматься этим делом? – спрашиваю я, шаря взглядом по барной стойке, уставленной разномастными бутылками, подсвеченными желтым, манящим светом, часами, статуэтками и музыкальными пластинками.

Я ухмыляюсь, заметив на одной из полок табличку с надписью «Sorry, no music requests»² – дерзко, под стать хозяйке заведения.

– Долгие годы после Гражданской войны я жила в Европе – наблюдать людскую глупость после окончания конфликта не было сил от слова совсем, и я вернулась на родину в Италию, – Аура жестом отдает распоряжение человеку за барной стойкой и продолжает рассказ: – Там я заметила, что женщины стали более активно отстаивать свою социальную позицию. Истинной леди мне быть жутко надоело – разве что я сохраняла этот образ при необходимости, поэтому мне пришлось по вкусу жизнь за океаном. Я вернулась сюда лишь в начале двадцатого века. Открыла «спикизи»-бар³ во времена сухого закона, – многозначительно добавляет она, явно гордая своим начинанием.

– Прости, а «сухой закон» – это...?

– Запрет на потребление и продажу алкоголя.

– Да быть того не может! – шокированно выдыхаю, ведь не дружу с любыми ограничениями столько, сколько себя помню.

– Люди, как ты понимаешь, отреагировали категорично, но лишь у немногих хватило смекалки и смелости, чтобы пойти против системы, – подпирая рукой подбородок, Аура поддвигает ко мне напиток.

¹ Цитата принадлежит немецкому поэту и драматургу Фридриху Шиллеру

² Извини, но мы не поставим твою любимую пластинку. – Прим. ред.

³ «Спикизи» (англ. Speakeasy) – нелегальные питейные заведения, в которых продавался крепкий алкоголь во времена сухого закона.

Бурбон. Чистый.

Хороший выбор.

– Не могу представить в роли смутьяна никого, кроме тебя, – хмыкнув, отпиваю немного терпкой жидкости. Лишить людей алкоголя! Уму непостижимо! – А что привело к таким категоричным ограничениям?

– Причин обозначалось много, на самом деле, – задумчиво закусив губу, Аура постукивает ярким ноготком по столешнице.

Скребется, как кошечка. Каждое движение ее пальчика четко выстреливает мне прямо в пах. Всеми силами стараюсь концентрироваться на беседе.

– Сухой закон, – продолжила она, – ввели из-за мощного движения за трезвость, в котором выступали набожные активисты и несчастные в браке женщины, а также из-за опасений по поводу влияния алкоголя на рабочую силу и иммигрантов. Плюс это стало удобным поводом для сохранения зерна во время Первой мировой войны. Первостепенной целью, я думаю, была попытка искоренить пьянство и улучшить мораль общества, но запрет, напротив, привел к росту преступности, бутлегерства, коррупции и подпольных баров – таких, как мой, – что в итоге и стало причиной его отмены.

– Чем дальше, тем страшнее, – качаю головой, выслушав эту историю. – Хотя в любом противостоянии есть определенный шик. Определять победителя для меня особое удовольствие.

АУРА

На телефон приходит уведомление, и я достаю благополучно забытый на полдня гаджет из сумочки.

Это Малек. Сообщает о том, что возвращается в город после выходных и ему срочно нужен весь мой запас алкоголя. Общение с ковром дается ему нелегко: он старается соблюдать основные правила, но они так и не смогли принять тот факт, что Малек беспрепятственно водит дружбу и с вампирами. Сам он считает эту надуманную вражду пережитком прошлого, наотрез отказываясь идти на поводу ультиматумов. Но совсем игнорировать просьбы семьи он не может, ведь тогда потеряет часть своей магии, что берет исток из древнейшего рода колдунов.

Взгляд Джеймса прикипает к маленькой коробочке в моих руках.

– Он не такой уж и дорогой, хоть и последней модели, – подшучиваю я, наблюдая этот неподдельный интерес.

– Не удивлен самому изобретению, но принцип работы изумляет, – честно признается он.

И как сам еще не устал играть? Мне бы давно надоело: я вообще нетерпеливая и взрывная – ни одна шутка, ни один прикол или важная информация не удерживаются во мне больше минуты.

– Давай поступим так: я оценила твой оригинальный подкат, даже согласна на свидание, – пожимаю плечами, – а почему нет? Ты нереально сексапильный.

– Золотко⁴...

Улыбка и безумные медовые глаза Джеймса заставляют меня мысленно выжать трусики.

– Прекрати так откровенно ублажать мое эго, – он размещает свою руку между моих ног и плавно притягивает к себе стул. – А не то я не сдержусь и сделаю с тобой много неприличных вещей прямо здесь, – хищно облизывается он.

– Что мешает? – стараюсь не выдать голосом своего желания. Получается плохо.

– Хочется, чтобы ты наконец отнеслась ко мне со всей серьезностью.

⁴ Аурелия – имя латинского происхождения, означающее «золотая», «позолоченная». Распространено в романских языках, ассоциируется с благородством и блеском.

– Мне нужна экспертная комиссия, подтверждение, клятва на мизинчиках, – перечисляю я, – чтобы хоть на секунду допустить мысль о путешествии сквозь зеркала.

– Ты совсем не знаешь нашу историю? – Джеймс вздыхает так, словно перед ним несмышленный ребенок.

– Знаю достаточно, но как, скажи на милость, поверить в нынешних реалиях твоим рассказам? – неопределенно взмахнув рукой, обвожу окружающее пространство, как бы намекая на очевидность своих слов.

– Абсолютно так же, как мы верим в ваш мир. В будущее, – совершенно спокойно парирует Джеймс.

– Ты покажешь мне свой мир?

– Не для праздного любопытства. Такие переходы обычно меняют грядущие события, – поясняет он вполне очевидную вещь, – к ним нужно тщательно подготовиться.

– Но сам ты пришел, – кокетливо напоминаю я, многозначительно отводя взгляд.

– Я же сказал, – Джеймс нежно ловит пальцами мой подбородок и, возвращая мое внимание к себе, гипнотизирует взглядом, – я пришел за тобой. Ради тебя я готов заставить планету вращаться в обратную сторону. Ход событий на сегодняшний день меня никак не заботит.

Забудьте, трусики уже не спасти.

Порядком набравшись, мы сидим вплотную друг к другу, пока Джеймс дает сомнительные, но жутко смешные определения эмодзи на айфоне.

Этот мужчина закрыл все мои пункты в первый же вечер: совершенно особенные глаза, бархатный голос, харизма и сексуальность, интеллект и чувство юмора, сила и смелость, честность, готовность отстаивать свои принципы... Да я буквально готова биться в экстазе от его совершенства!

Он необыкновенно красив. Притягателен. Гипнотичен. Как и подобает древнему вампиру, он фокусирует на себе все внимание и женские инстинкты.

– Ты справился с кофемашиной, телефоном и даже понял принцип работы светофора, – заговорщически шепчу я, проводя ногтем по предплечью Джеймса. – Чем же еще тебя удивить, красавчик?

– Боюсь, я слишком искушен даже для твоего мира, – довольно урчит он.

– погоди, в ход еще не пошли мои главные козыри, – подвешиваю интригу, следя за его реакцией.

– Буду ждать с нетерпением, – снисходительно улыбается.

Джеймс, по моим наблюдениям, взрывной, темпераментный и страстный. Но не глупый, не импульсивный – тяжело будет по-настоящему вывести его на эмоции и удивить.

Идея приходит моментально: он видел сегодня машины и, хоть и не выказал явного шока, вряд ли был когда-то пассажиром или оказывался за рулем сам.

Познакомить его с моим железным конем? Держу пари, он тотчас пристрастится к быстрой езде.

– А ты нормально так вписался, гость из прошлого, – хмыкаю я, все еще не до конца принимая на веру его происхождение.

– Вписался? – озадаченно морщится он. – Что такое «вписался»?

– Ну, хм... органично подстроился под ситуацию.

– Я не намерен останавливаться на достигнутом.

Каждое его обещание, скрытое под флером небрежного флирта, будоражит меня не на шутку. В настоящее время такими словами не бросаются, тем более при первой встрече. Такие намерения и конкретика давно канули в Лету и остались, видимо, только в мире Джеймса.

– Тогда у меня есть для тебя небольшой сюрприз, – одариваю его дьявольской улыбкой.

– Ты сама едешь на этом? – Джеймс скрупулезно изучает мой «Харлей» последние пару минут.

Мы вернулись ко мне, чтобы одеться попроще и взять мотоцикл, и теперь выдвигаемся к озеру.

Я собираюсь показать Джеймсу любимый вид на воду и встретить рассвет в живописном месте.

– Вот уже лет пятьдесят, – ностальгия рисует нежную улыбку на моем лице. Да, я до чертиков люблю эту железяку. – Мне кажется, я была первой из женщин, кто освоил в этом городе подобный вид транспорта. И с тех пор мнение не меняла.

– Какие же дьявольски потрясающие устройства смог придумать человек, – восхищается Джеймс моим железным конем и, клянусь, я вижу, как пляшут жажда и решимость в его взгляде.

– И как же здорово, что мы бессмертные. Потому даже не страшно пустить тебя за руль, – потешаюсь я, бросая ему вызов.

Ничего не могу с собой поделать: мне интересно, где окажется его грань дозволенного. Где он сломается? Где сглупит, а где спасует перед лицом будущего, ему доселе неведомого.

Но Джеймс словно нацелился исключительно на победу, пусть даже в незначительных пустяках.

– Покажи мне, как управлять им, – просит он, горящим взглядом проникая прямо в мою душу.

Он подкупает своей готовностью и энтузиазмом, своей смелостью и драйвом. Я таких, как он, не видела раньше. И я уже хочу его себе. Осознанно.

Не знаю, почему еще не набросилась на него. Интуитивно мне не хочется приравнивать появление Джеймса ко всем моим минувшим приключениям. Какого-то черта этот красавчик проник в меня даже без проникновения.

– Запрыгивай, – сажусь на мотоцикл и указываю ему на место позади меня.

Джеймс охотно забирается следом за мной.

– Это сцепление, – кладу его ладонь и сжимаю хромированную ручку вместе с ним.

Сама придвигаюсь задницей вплотную к его паху, делая вид, что просто усаживаюсь удобнее. Джеймс рычит, свободной рукой сжимая мое бедро почти до боли. Проклятие, как же он горяч! И как же хорошо смотрится на моем мотоцикле.

– Рассказывай. Не отвлекайся, – чеканит он.

– Нужно потянуть рычаг сцепления на себя и поставить коробку на первую передачу – вот так, – показываю я. – Затем важно плавно отпустить педаль и аккуратно повернуть ручку газа.

Я трогаюсь с места, держа свои руки поверх его. Мы управляем мотоциклом вместе, но спустя пару минут Джеймс освобождается от моей хватки, перехватывая инициативу.

– С тебя поцелуй, если справлюсь, – дерзкая ухмылка освещает его превосходное лицо.

Его красота, мальчишеская непосредственность и необузданная энергия в этот момент обезоруживают.

У него получается идеально, словно он был рожден для байка, и мы мчим на запредельной скорости по пустынной трассе далеко за городом.

На ходу перелезаю назад и усаживаюсь за его спиной – хочу обнимать парня, как и положено в этой клишированной ситуации.

Джеймс, оглянувшись, улыбается и сам помещает мои руки на свое тело. Обхватываю его за талию и, подавив романтический вздох, прижимаюсь щекой к его спине.

– Нам в ту сторону, – указываю направление и замолкаю.

– Держись крепче, Золотко, – хохочет он, разгоняя байк до предела.

Зажмуриваюсь, полностью доверяя себя ему, и впииваюсь ногтями в роскошный, скрытый футболкой пресс.

В голове плывут грешные мысли и образы о том, как, должно быть, сладка кожа Джеймса на вкус, как горячи его губы и как сильны руки. О, эти руки с переплетением вен на предплечьях и тонкими, изящными пальцами...

Джеймс словно чувствует перемену в моем настроении и сбавляет скорость. Помогаю ему притормозить на пустыре, где вдоль обрыва видна береговая полоса. Отблески воды в предрассветной тишине мерцают, придавая прелести моменту.

– Уговор, – напоминает Джеймс, заглушая мотор.

– Ты очень дерзкий, знаешь это? – надеюсь, мой восторг не слишком очевиден.

– В моем мире поведение, подобное вашему повседневному, вызывает общественное порицание. Так что здесь я отлично вписался, даже без необходимости подстраиваться.

– Вписался, а? – широко улыбаюсь я. Новые словечки вылетают из него вполне органично. – Есть ли шанс обставить тебя хоть в чем-то? – кокетливо бросаю я, намеренно стараясь слезть с мотоцикла. Хочу почувствовать его грубую силу, когда он станет меня удерживать.

– Не в этой жизни, Золотко, – смеется он искренне, но взгляд его выражает определенную серьезность. – Разве ты хочешь видеть рядом с собой никчемного, нерешительного хлюпика?

Обалдеть. Между ног уже пульсирует и течет, когда он разворачивается ко мне и, подхватив под бедра, усаживает к себе на колени. Мои ноги обхватывают его бедра самым лучшим образом, его руки пробираются под платье прямо к заднице, а сам Джеймс, кусая мою шею, страстно шепчет:

– Я вижу, как ты желаешь принадлежать мне, – улыбается он с лихорадочным блеском в глазах. Заманивает к себе в сети, лишает воли, пока прикасается к моему телу.

Опустив вырез платья, Джеймс проводит губами влажную линию между моих грудей и ловит мой возбужденный стон.

Рычит, кусается, играет с моим языком.

Когда он меня целует с таким пылом, я и не вспоминаю о том, что нас с ним предположительно разделяют века – так умело он управляет нашей страстью. Словно всегда делал это со мной. Словно это всегда был ОН.

Я подаюсь вперед, двигая бедрами по его внушительной эрекции, поощряя его намерения и умоляя о большем.

Сейчас все будет быстро и агрессивно. Честно и страстно.

Мы словно остались одни на всем белом свете, словно окруженные собственным вакуумом похоти и желания. Из мира ушли все звуки, кроме нашего прерывистого горячего дыхания, исчезли все запахи, кроме дурманящего аромата кожи.

В голове проскакивает шальная мысль о дежавю: когда-то я уже водила подушечками пальцев по его коже, зарывалась в шелковистые каштановые волосы, слизывала языком капельки пота и теряла себя в его влекущем запахе.

Моя реакция на него – неизбежность.

Джеймс обхватывает меня за затылок и поглощает глубинами своих янтарных глаз – они поразительно меняют цвет, заставляя гадать, какой оттенок я увижу через минуту. Своим взглядом он сводит с ума, делится со мной тем, чего не передать словами, словно признается в сокровенном, клянется, что смотрит так лишь на меня одну. Гипнотизирует. Дарит мне свою душу. А заодно обнажает и мою.

Это с самого начала больше, чем простое плотское влечение – отчаянным желанием пропитано каждое наше движение, будто мы скучали друг по другу, расставались на каждый из веков нашей жизни, а теперь встретились после бесконечности вдали друг от друга.

Джеймс ловит мой одобрительный взгляд, рывком усаживает мою пятую точку себе на предплечья и с оглушающим в тишине треском разрывает зубами кружевные трусики.

Дорогое и красивое белье для себя любимой? Чушь! Оно создано лишь для того, чтобы собирать восхищенные взгляды мужчин и быть порванным в пылу страсти.

Лицо Джеймса прямо напротив моих бедер. Он неторопливо смакует момент, оставляя тягучие медленные поцелуи на коже, прежде чем прикинуться губами к желанной точке между ног.

– Твою-то мать... – скулю я.

Это нечто большее, чем просто удовольствие. Это, будь он проклят, катарсис моего существования, о котором я, сколько ни старайся, вряд ли смогу забыть.

Я буквально ожидаю высокомерных насмешек над моей отзывчивостью – это было бы вполне в стиле Джеймса, но их не следует. Он молча ублажает меня, зарабатывая высший балл из возможных.

Терпеть не могу болтунов. Иногда важно продемонстрировать себя в деле.

Ощувив долгожданное облегчение после почти суток перманентного возбуждения рядом с ним, бесстыдно наслаждаюсь его ласками. Подаюсь вперед бедрами, боясь упустить даже одно касание.

Они мои. Сегодня все они мои, как и этот обжигающе горячий мужчина.

Джеймс поглощает меня так отчаянно, что я, не успев опомниться, рассыпаюсь на части, удивленно пискнув от нахлынувшего интенсивного оргазма.

– Мне продолжать? – голос Джеймса пропитан нешуточным возбуждением. Его руки крепко держат меня в исходном положении, но сам он трясется, словно в лихорадке.

– Что-то мне и пререкаться расхотелось сразу, – сыто улыбаюсь я, прикрыв глаза.

Первые солнечные лучи уже начинают согревать кожу, а наряду с посторгазмическим кайфом возникает ощущение, что мое тело погрузилось в теплую пенную ванну.

– Счастлив, что это так, – хмыкнув, он проводит языком широкую влажную полосу между моих бедер, выбивая из меня стон наслаждения, и меняет позу.

– Не смей опускать меня, – капризно бурчу я, – только если на свой член.

– Именно это мне и нужно, а иначе, Золотко, он зачахнет без твоих тесных объятий, – Джеймс даже не пытается скрывать откровенный голод в глазах.

Перехватив инициативу, быстро расправляюсь с молнией на его джинсах и освобождаю роскошный длинный член. Набухшие вены и влажная головка заставляют меня тяжело сглотнуть и облизнуться, в красках представляя его вкус.

Он безупречен везде!

– Не в этой обстановке, милая, – предостерегает Джеймс.

– Почему? – сейчас я больше всего желаю именно этого.

– Такая женщина, как ты, не будет стоять на коленях на отшибе, пачкая себя в пыли, – сурово отсекает он.

Мое тело обдаёт волной искреннего смущения и неподдельного обожания.

Вот каково быть *его* женщиной?

– Но присесть на мой член, – Джеймс прикусывает нижнюю губу, очаровательно улыбаясь, – для всеобщего блага просто необходимо.

– Всеобщего? – поднимаю бровь и отвечаю ему вызывающим взглядом.

– Видишь ли, Золотко, если я немедленно не почувствую тебя, то убью первого, кого встречу в этом богом забытом месте, – с легкостью обещает он.

– Мне нравится, когда ты такой грозный, – воркую я, удобнее устраиваясь у него на руках.

– Никогда по отношению к тебе, – выдыхает он мне в губы, соединяя наши тела.

Ядерный взрыв – сущая ерунда по сравнению с той энергией, что искрит между нами в этот момент. Мы слились в единый организм, переплелись горячими телами, выбивая друг из друга откровенные яростные стоны.

Джеймс собственнически прижимает меня к себе, вытрахивая напрочь из меня любые мысли о других возможных мужчинах. Глядя в его глаза, я понимаю, что он убьет любого, кого увидит рядом со мной, самым изощренным способом.

И, господи, я в экстазе от этой дикости.

Мне было до смерти скучно без него.

– Чудно, что ты это понимаешь, Золотко, – рычит Джеймс, двигаясь во мне совершенно умопомрачительно, будто читая мои мысли.

Я словно тряпичная кукла в руках кукловода: он руководит мной, направляет, владеет, а я теряю себя в его жестоких, но нежных руках.

– Джей... – шепчу я на выдохе, когда сокрушительный оргазм пронзает мое тело. Я утыкаюсь в его шею, вдыхая его и отчаянно кусаясь.

– Повтори, – потрясенно приказывает он. – Скажи еще раз. Назови мое имя.

– Джей, – с готовностью исполняю его приказ, нежно шепча ему в губы ласковое прозвище. – Кончи для меня.

Он сильнее обхватывает меня, впивается пальцами в мои ягодицы, яростно загоняя член до упора и задыхаясь от удовольствия. Наполняет меня собой, дико, развязно стонет и, к моему сожалению, замирает внутри меня.

– Я не выйду отсюда по доброй воле, – шутит он сразу, как только восстанавливает дыхание.

В подтверждение своих слов он слабо толкается в меня все еще твердым членом. Поймав мой рассредоточенный, подобный собственному, взгляд, Джеймс мягко улыбается.

– Невероятная, – он качает головой, словно не веря в происходящее.

– Хочу заработать все возможные комплименты, – расслабленно вожу ладонями по его твердой груди, – и для этого нам нужно вернуться в мою квартиру.

ГЛАВА 3

АУРА

Я просыпаюсь в квартире одна. Понимаю это сразу, ведь мой вампирский слух не улавливает постороннего дыхания.

Вот так веселиться и бросить меня наутро? Джеймс рискует потерять мое расположение.

А может, за кофе вышел? По делам? Букет мне купить? Хотя... Джеймс с букетом – зрелище весьма комичное. Разве что с сотней алых роз. Я бы посыпалась. Если не уже.

Ладно, даже если он насвистел мне про эти далекие миры, только чтобы забраться ко мне в трусики, я бы разрешила провернуть ему это еще сотню раз. Парень горяч, как ядро планеты. Обжигающий. Запоминающийся. И врет не банально – такую легенду сочинил!

Минувший сексуальный марафон не смог бы повторить никто. Ни один не сравнится с мощью и выносливостью Джеймса, который почти сутки неустанно присваивал мое тело, незаметно пробираясь в душу. Ощущение, словно эти выходные поставили на быструю перемотку: я прожила весь спектр возможных эмоций, а организм между делом вырабатывал стойкую зависимость от мужчины, внезапно появившегося в моей жизни.

Подняв попу с мягкой кровати, окидываю взглядом комнату в поисках футболки, потому как сверкать голыми сосками больше не кажется безопасным. Но стоит лишь выхватить боковым зрением клочок бумаги на комод, как я бросаюсь в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.